

страстями оскверненных; и сих ради всех жалостий». Макарий желает царю покорить врага — «... молитвами святого и великаго Иоанна Предтечи, и святых верховных апостол Петра и Павла, и возлюбленного апостола Иоанна Богослова, и 12-ти и седмидесяти святых апостол молитвами... (далее перечисляется еще 19 святых) ... и всех благочестивых сродник ваших и прочих всех святых молитвами ...», — продолжает торжественно Макарий, — «... да пребудете в чистоте, и в смирении, и в мудрости, и в целомудрии, и покаянии, и в прочих добродетелех ... в любви, и в послушании, и в страхе, и в мире, и в соединении, и в союзе на враги ... и прославлены и спасены быша: якоже благочестивый царь Костянтин, и благочестивый царь Феодосий Великий, и Феодосий юный, и прочии гречестии цари православнии...».³⁸ Думается, нет нужды приводить новые примеры, так как торжественный характер перечисления в послании Макария и в федоровском послесловии вполне ясен.

Из всего сказанного ясно, пожалуй, и место послесловия Апостола 1564 г. в русской литературе того времени: оно написано в стиле официальных произведений середины XVI в., и этот характер послесловия находится в соответствии с общим торжественно-официальным внешним видом первой русской печатной книги. (Приходится, кстати, с сожалением отметить, что связь Апостола 1564 г. с произведениями русского искусства XVI в., прежде всего с произведениями и изделиями торжественно-официального характера, прослежена еще далеко недостаточно и составляет особую тему, которой в данной статье коснуться нет возможности).

Но сравнительно с официальными историческими произведениями середины XVI в., в стиле которых оно написано, послесловие 1564 г. отличается краткостью или сокращенностью. Там, где в официальной литературе следуют очень длинные перечни, большие цитаты из Библии, большие речи царя и митрополита, перемежающие изложение их деяний, в первопечатном послесловии перечни умеренны, формулы кратки, библейская цитата единственная и сокращена, речь митрополита лаконична и состоит буквально из шести-семи слов. Отсюда впечатление какой-то особой стройности и «подтянутости» послесловия московского Апостола Ивана Федорова, которое возникает при чтении его в наше время.

В федоровском послесловии соблюдены все нормы и до мелочей сохранена принятая в официальных сочинениях композиция рассказов о деяниях царя, однако каждый элемент композиции сокращен и нередко выражен минимумом словесных средств. Послесловие 1564 г. фактически представляет собой «выжимку» обычного, официального рассказа о царе середины XVI в. и из-за этой черты, которую можно назвать краткостью или «сокращенностью», стоит особняком в древнерусской литературе, так как «сокращенностью» не отличаются другие произведения, написанные в указанном стиле.

Более того, «сокращенность» роковым образом усугубила одиночество федоровского послесловия, способствуя непопулярности этого произведения в древнерусской письменности и, если можно так выразиться, в печати древней Руси. Влияния федоровского послесловия мы не находим нигде, даже в сказаниях XVII в., посвященных истории книгопечатания на Руси и пересказывающих некоторые факты из федоровского же послесловия.³⁹ Из-за недостаточной риторичности, — что на наш современ-

³⁸ ЛИ, т. I, № 160, стр. 290—293; ПСРЛ, т. 29, стр. 86 и сл.

³⁹ См. послесловие к Трефологиону за март—май (М., 1638, л. 408 и сл.), см также «Сказание известно о воображении книг печатного дела», изданное Т. Н. Про-